

А иже язык доброглаголив имеетъ, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятенъ есть. Но то правыи, иже малы о добродейнъи глаголетъ, а добродейнъя добре объявляютъ и прилагають веру к своему учению житъемъ своимъ» (Пчела, стр. 148). Итак, тот не учитель, у кого добро только в словах, а не в делах. И афоризм Епихария кратко напоминает: «Учитель нравом да покорить ученика, а не словом» (Пчела, стр. 155). Ненасытность сребролюбца Богословецъ убедительно сопоставляет с неутолимой жадностью того, кто «испытъ зелье»: «Такъ есть недугъ богатства: всегда желаетъ больша, сытости же не имеетъ и толико ищетъ прииманья, елико стяжа. Якоже кто испытъ зелье, им же жажа не престанеть» (Пчела, стр. 127). Жадность сребролюбца бываетъ причиной «лихоимства», неправды, обиды и даже предательства, в доказательство чего Пчела приводитъ рассказъ Диодора о том, какъ царь Филипп, желая взять «градъ твердый паче всехъ», спросилъ «гражанина», уверявшаго, что «пленити твердостью» городъ нельзя: «Аще и злато не можетъ прелести чрес забралы? Тъ искушенъ бысть, яко их же оружиемъ не възможно пленити, ни воины, то златомъ взята бывають» (стр. 137). Сребролюбецъ не можетъ преодолеть желанье, поэтому «не богатый блажен, но иже богатства не требуетъ», какъ утверждаетъ Демокритъ (стр. 131). Так, из описания «несытства» какъ главной черты сребролюбца вытекаетъ «должное»: «Иже удобенъ естъственнымъ богатствомъ, то вельми естъ богатеиши много имеющаго и больша желающаго», — заключаетъ тот же авторъ (стр. 132).

Афоризмы, предостерегающие от лицемерныхъ друзей, в Пчеле иллюстрируются развернутымъ портретомъ «ласкающихъ», резко меняющихъ свое отношение к человеку, когда в его жизни «пременение будетъ от богатства на убожество»: «Тогда лица ласкающихъ изменяться, тогда ликъ ихъ лицемерства облича[е]тъся, и ремество ихъ является, тогда уста ихъ отверзаются, языци, иже при власти хваляху, тогда хуляхуть, глаголюще: скверныи кровопивецъ, лукавыи прелюбодей. Не того ли вчера хваляще ласкаху? Не того ли рече лобызасте и предъ ногама его валястесь? Не господомъ и богомъ звасте и? Лицемерство бяше все. И ноне же приде время, отвѣргохомъ лицемерство и явихомъся, каци есмы умомъ» (Пчела, стр. 121).

Для большей убедительности афоризмы, осуждающие лицемерие «ласкавцевъ», сопоставляютъ ихъ то с «враномъ», поедающимъ мертвыхъ, тогда какъ они «живыя души погубляютъ» (Пчела, стр. 123 и 124), то с «псами», съевшими Актеона (стр. 123—124), то с «морскими свиньями» (стр. 125).

Такие более или менее развернутые характеристики не единственный приемъ учительской литературы, темъ более в ее афористическомъ жанре. Чаще цельное представление о человеке, наделенномъ одобряемымъ или осуждаемымъ свойствомъ, слагается из всей совокупности подобранныхъ на данную тему рассуждений и афоризмовъ, а иногда и короткихъ рассказовъ, иллюстрирующихъ выводы.

Эти рассказы, обычно светские по содержанию, иногда напоминаютъ басни, нередко составляютъ эпизодъ биографии античнаго писателя, философа, полководца, царя. Остроумный ответъ героя — это приемъ, с помощью котораго рассказъ вводится в цепь рассуждений на тему даннаго раздела. К приведеннымъ выше примерамъ добавимъ еще несколько, которые расширяютъ наше представление о жанрахъ, выполнявшихъ учительные функции.

Изъ легендарной биографии Диогена Пчела вводитъ в разделъ «О житии добродетели и о зlobe» следующий рассказъ: «Поноси ему некто, яко по нечистымъ местомъ ходитъ. И отвѣща: И солнце тако же на нечистая места осияеть, но не оскверняется» (стр. 12); ср. пословицу: «Солнце